

*Сергей
Саканский*

**Друг мой
сыщик**

СОЛНЕЧНЫЙ УДАР

Классический
детектив

Друг мой сыщик

Сергей Саканский
Солнечный удар

«Автор»

2009

Саканский С. Ю.

Солнечный удар / С. Ю. Саканский — «Автор», 2009 — (Друг мой сыщик)

На диком пляже под Аю-Дагом найден труп девушки. Преступление выглядит как изнасилование и убийство, но многие странные факты наводят журналиста Жарова на мысль, что это – кара некой тайной секты, совершенная над одним из ее адептов. В тот же самый день неподалеку от города убита еще одна женщина. Следователь Пилипенко озадачен тем, что на второй жертве надето платье, каким-то образом взятое из гардероба первой. И уж совершенно никак нельзя объяснить, почему орудием убийства является яд, который используется только мировыми спецслужбами и террористическими группировками.

© Саканский С. Ю., 2009

© Автор, 2009

Сергей Саканский

Солнечный удар

Классический детектив

На обложке: памятник Шерлоку Холмсу в Лондоне работы Джона Даблдея.
Жанровая картинка: Медведь-гора со стороны Гурзуфа.

Жаров ехал в патрульной машине с лейтенантом Ключевым, когда по радиии передали ориентировку: на диком пляже под Медведем обнаружен труп женщины. От скучных, чисто технических подробностей сообщения Жаров испытал короткий приступ тошноты.

– Еще одна, – процедил сквозь зубы Ключев и круто вывернул руль. – Не завелся ли у нас опять какой-нибудь маньяк?

Жаров уже слышал о другой женщине, найденной сегодня утром за автобусной остановкой в Мисхоре.

– Это вряд ли, – сказал он, вытирая пот со лба. – Первая просто убита, похоже на ограбление. А тут – изнасилование, и довольно жестокое. Не думаю, что оба преступления связаны. Хотя...

– Что – хотя?

– Если бы мы с тобой были не обыкновенные ялтинские ребята, а герои какого-нибудь боевика, то в конце концов оба этих убийства оказались бы причудливым образом соединены.

– Почему? – спросил Ключев.

– Разве не понятно? Ты ж актером хотел быть, в любительском театре играл, читал достаточно... Не стал бы автор, будь тут не жизнь, а книга, упоминать какое-то событие, которое не имеет отношения к сюжету.

Машина проскочила гурзуфский пятачок и понеслась вдоль Артека. Морская гладь блистала, как расплавленный металл, и струя воздуха из открытого окошка была горячей, словно они неслись по пустыне.

– Пилипенко сейчас на первом трупе, – сообщил Ключев, придерживая наушник телефона. – Будет через час. Сказал – ничего не трогать.

– Это само собой, – Жаров высунул руку из окошка, ловя ладонью ветер.

– Убери, – сказал Ключев, – Еще подумают, что мы поворачиваем.

Жаров убрал руку, но выставил локоть. Поворачивать, честно говоря, было некуда. Крупно повезло сегодня, с горечью подумал он. Раз в месяц или несколько реже он навязывался сопровождать патруль, в надежде напасть на живой материал для газеты, и вот сегодня – сразу два трупа. Как тут не почувствовать себя мерзким стервятником, охочим до падали?

Именно так в общем итоге выглядит какой-нибудь Эркюль Пуаро: он всегда, с маниакальной точностью оказывается на месте преступления, часто даже за некоторое время до того, как преступление произойдет...

Обогнув Артек, машина выехала к обрыву. Здесь уже стоял пустой «уазик» гурзуфцев. Жаров и Ключев вышли: дальше можно было двигаться только пешком. Ключев стал было спускаться на пляж, но Жаров окликнул его:

– Здесь есть хорошая тропа поверху, а дальше – приличная лестница.

Они пошли верхом, сквозь можжевелевую рощу. Раскаленный воздух плавил смолу под корой, и в роще стоял густой запах хвои.

Вскоре они услышали голоса внизу.

– Наверное, это здесь, – сказал Ключев.

Они подошли к краю обрыва и увидели довольно жуткую картину.

Маленький пляж, с обеих сторон защищенный крупными камнями-отторженцами, свалившимися с Медведя лет сто назад. В центре пляжа, раскинув руки, согнутые в разные стороны, лежит мертвая женщина. Одно колено тоже подвернуто, и все это напоминает какой-то знак, символ.

Двое гурзуфских милиционеров стоят на краю пляжа, преградив путь любопытным. Небольшая толпа курортников расположилась в отдалении...

Клюев принялся спускаться, хватаясь за можжевельные ветки, Жаров ринулся за ним, но тут одна деталь ландшафта привлекла его внимание. Чуть поодаль от лестницы, вырубленной в скале, на самом краю обрыва лежал плоский базальтовый валун.

Жаров подошел и, сам не понимая, зачем он это делает, присел на раскаленную поверхность камня.

Интуиция... Отсюда был виден, как на ладони, и маленький пляж, и мертвая девушка. Под камнем валялось множество окурков. Жаров подобрал один, другой – все это были сигареты «Ирбис», довольно редкая марка, в Ялте их нигде не купить.

Что-то в этих окурках казалось необычным, хотя все они были именно «Ирбисом». И тут он понял: необычным было само их количество – Жаров насчитал восемнадцать штук.

Сколько же часов надо просидеть на камне, чтобы выкурить такую уйму этих, довольно крепких сигарет?

Тем временем торс Клюева уже скрылся за краем обрыва, осталась одна голова, которая обернулась и недовольно крикнула:

– Ты идешь?

* * *

Вблизи все выглядело еще более отвратительно. Жаров понял, что эта картина теперь будет долго висеть перед его глазами, словно он сфотографировал ее и поставил себе на рабочий стол.

Мертвая девушка, похоже, совсем молодая, лежит навзничь, как сломанная кукла. Жаров мысленно сложил ее, пытаясь увидеть, какой она была... Вряд ли стройной, вряд ли соблазнительной. Но и на таких, как видно, находятся насильники.

Кожа на ее лице сильно поцарапана, содрана, будто бы девушку били головой о камень. На камнях темнеют пятна крови, белое платье все изваляно в песке и разорвано. Трусики валяются в углу пляжа, кем-то далеко отброшенные, они также разорваны. Зигзагом, словно некая буква, краснеет окровавленное полотенце...

Лица гурзуфских ментов были кислыми: похоже, молодые служаки впервые в жизни видели такое грязное убийство.

– В этой толпе есть тот, кто обнаружил труп? – спросил Жаров.

– Да, конечно. Мы их задержали. Вон те парень с девчонкой, что прячут в сумке ружье.

Жаров подошел к парочке и задал несколько вопросов. Как всегда, ни у кого из гражданских не возникло в голове крамольной мысли: кто, собственно, такой этот человек, и имеет ли он право допрашивать их?

Журналиста интересовало прежде всего то, насколько близко свидетели, парень и девушка с ружьем, подходили к телу. Оказалось – вообще не подходили: увидев труп издали, сразу позвонили в милицию. Жаров вернулся и спросил о том же юных милиционеров, гурзуфцев, которые примчались по вызову. Те также не возражали против того, что Жаров здесь распоряжается: они знали, кто такой Жаров и зачем он достаточно часто сопровождает следователя Пилипенку и других настоящих ментов.

Оказалось, что подошел только один из ребят, чтобы удостовериться, что девушка действительно мертва, и никакой медицинской помощи ей не нужно. Жаров кивнул.

Все дело было в том, что на пляжном песке он заметил столько следов, что даже не сразу смог сосчитать количество цепочек. Во всяком случае, две из них можно выкинуть – это были следы милиционера, туда и обратно. Жаров попросил его показать откуда он шел, и воткнул у начала его цепочки щепки плавника.

Песчаный пятачок, запечатлевший следы, был размером где-то десять на пять, с севера ограничивался базальтовой стеной обрыва – черной подошвой Медведь-горы, с запада и востока – двумя крупными, величиной с джип, глыбами-отторженцами. На юге, до самого берега, были навалены камни, более-менее окатанные морем.

На таких диких пляжах купаться не очень приятно и даже опасно: ноги можно переломать. Немудрено, что здесь бывает немного народу, в основном – браконьеры, любители поохотиться с подводным ружьем. Вот почему девушку, убитую, скорее всего, вчера, обнаружили только на следующее утро. Она лежала почти в самом центре песчаного пятачка, и со всех сторон к ее телу вели следы.

Зазвонил мобильный Ключева. Оказалось, что Пилипенко уже выехал и будет через пятнадцать минут. Жаров сильно засомневался, что следователь сможет так быстро сюда добраться.

Он влез на западный отторженец, достал из сумки-кобуры пристегнутой к ремню джинсов, свой миниатюрный блокнот и принялся зарисовывать следы. Конечно, все здесь будет тщательно зафиксировано, но журналисту хотелось иметь и свою, частную базу данных.

Море слепило глаза. Где-то вдали мчался, оставляя пенистый след, пограничный катер. Похоже он поворачивал, почему-то двигаясь к берегу...

По следам невозможно было определить даже размер обуви – просто размытые углубления в мелком желтом песке. Впрочем, хорошо читалось направление следов, по коротким бороздам в песке, оставленным пятками идущих: нетрудно было понять, какая цепочка ведет туда, а какая – обратно.

С запада, со стороны Артека, шло три цепочки – две туда и обратно, одна – только туда. Ясно, что эти следы принадлежали несчастной девушке, которая уже не возвратилась с пляжа. Значит, с запада сюда пришли двое, и в том же направлении удалились. Если бы Жаров не показал Ключеву верхней тропы, то они бы тоже попали сюда с западной стороны, вдоль берега, где им пришлось бы сбивать подошвы о крупные камни, продвигаясь гораздо медленнее, чем поверху.

Четыре цепочки следов – две туда и две обратно – вели с востока. Дальше базальтовая подошва Медведя становилась все круче и вскоре обрывалась в море отвесной стеной. Так что, со стороны Партенита эти люди прийти никак не могли. Следовательно, они шли той же тропой, что Жаров с Ключевым, сквозь можжевелевую рощу, мимо плоского камня на краю обрыва.

Картина получалась сомнительная: четыре человека, разделившись по двое, достигли маленького пляжа разными путями – верхом и низом – и с обеих сторон напали на девушку.

Но это бессмысленно! Девушке все равно некуда бежать. Да и внезапное нападение, в этом случае – зачем?

То, что все эти следы именно вчерашние и связаны с убийством, сомнения не вызывало: вчера на рассвете над всем Южным берегом прошел короткий, но сильный дождь, прервав длительную линию изнурительной июльской жары.

При мысли об этом дожде Жаров понял, что его так смутило наверху, возле плоского базальтового валуна. Он поднял голову. На самом краю обрыва можно было заметить маленькое черное пятно. Это и был тот валун, его торчащий над обрывом край.

Не только количество окурков от «Ирбиса» так озадачило журналиста, но и их состояние. Большая часть окурков была желтоватой, а это значило, что человек, куривший «Ирбис», сидел на камне, по крайней мере, два раза – до вчерашнего ливня и после. Скорее всего, он сидел здесь три или даже четыре дня, если предположить, что более двух часов провести на такой жаре трудно, а курить крепкий «Ирбис» чаще, чем раз в час, весьма проблематично.

Да и кому придет в голову без особой нужды жариться на раскаленном базальте?

* * *

Пилипенко удивил всех тем, что прибыл прямо из Мисхора на пограничном катере. Эта машина на подводных крыльях способна развивать до семидесяти километров в час при слабом волнении, она развернулась метрах в пяти от берега, и следователь, ни секунды не колеблясь, спрыгнул с бака, замочив по колено брюки. На таком солнце они высохнут через несколько минут.

В тот же момент Жаров увидел следственную бригаду: эксперт Минин, кинолог Ярцев с собакой, еще двое оперативников скакали по камням далеко на западе. Похоже, никто из них не знал верхней тропы.

Жаров с содроганием представил, как ребята из морга будут эвакуировать труп, волоча носилки по этим камням, и вдруг понял, зачем Пилипенке понадобился катер. Следователь тоже хорошо представлял себе окрестности Ялты.

Жаров показал свои метки – следы сержанта, который приближался к трупу, Пилипенко кивнул. Он был угрюм и молчалив. Подошел к телу, наступая в следы сержанта, несколько минут рассматривал девушку, сложив руки в замке на груди, что напоминало позу какого-то католического священника. Удручающее зрелище, даже для следователя.

– Странное дело, – сказал он, вернувшись к Жарову. – Платье все изваляно в песке, как снаружи так и изнутри.

– Что это может значить?

– Пока не знаю.

Следственная бригада, наконец, добралась. Переговариваясь и пошучивая друг с другом на подходе, они вдруг замолчали, увидев мертвую девушку.

– Работаем, – деловито распорядился Пилипенко. – И уведите отсюда толпу.

Гурзуфцы принялись исполнять приказ, даже с излишним рвением, хватая людей за локти и поторапливая любопытных дружеским похлопыванием по спинам. Толпа рассеялась: курортники побрели по камням в сторону Артека, его золотых пляжей, где валились россыпи муравьиных куколок – люди, ничего не знающие о том, что происходит в пятистах метрах от них.

Площадка была тщательно измерена и сфотографирована. Минин поднимался на оба камня-отторженца, снимая сверху.

Все, что имела девушка при себе, было – белое платье, купальник, пляжное одеяло и панамка.

– Женщины обычно носят с собой сумочки, – заметил Минин.

– Да знаю я, – хмуро обрубил Пилипенко.

– Если это курортница... – начал было Ключев, но следователь прервал его:

– Курортница. Сплошной загар. Много ты видел местных, которые столько времени проводят на пляже?

Когда труп перевернули, открылись новые ссадины. Казалось, насильники подражали самым жестоким западным фильмам. Что-то необычное было в этих травмах. Жаров подумал: наверное, потому, что тело долго пролежало на жаре.

– Странно, – будто услышал его мысли Минин. – На ее теле почти нет синяков. Такое ощущение, что убийцы не могли остановиться и продолжали избивать девушку уже после того, как она умерла.

– Клянусь, что я поймаю этих хищников, – тихо сказал Пилипенко, как бы сам себе, затем, подняв голову, обратился к окружающим:

– Их было, по крайней мере, двое.

– Четыре цепочки следов, туда и обратно, – напомнил Минин.

– Дай мне закончить. Двое, не менее, и четверо – не более. Они могли приходить на пляж не один раз. У девушки нет сумочки. Могли уйти, а затем вернуться, чтобы еще и ограбить. Ясно одно: две группы людей не связаны друг с другом. Они пришли сюда разными путями и разными путями ушли. И совершенно ясно, что это не обычное изнасилование, и за этим преступлением кроется нечто большее. Может быть – месть.

– Экспертиза покажет, – сказал Минин.

– Надеюсь, – Пилипенко нагнулся над трупом, осторожно откинул край белого платья. – Понятно, откуда так много песка на ткани. Только вот кому и зачем понадобилось одевать уже мертвую девушку?

* * *

Парни из морга прибыли нижней дорогой. Их лица выражали смутнение: они думали, что им придется тащить труп под солнцепек, полкилометра каменного завала. Но, увидев стоящий у берега пограничный катер, прибодрились, собираясь приступить к своей мрачной работе.

– Сначала собака, – сказал Пилипенко и махнул Ярцеву, который все это время сидел с Ральфой, далеко в стороне, за западным отторженцем.

Ищейка обнюхала девушку, ткнулась ей в пах, подняла голову и тихо зарычала. Это значило что она взяла след.

– Ищи! – приказал Ярцев, и Ральфа немедленно кинулась по восточным следам.

Она тянула поводок, взбираясь по крутой тропе, переходящей в лестницу, и Ярцев, матерясь себе под нос, полез за ней. Снизу казалось, будто собака поднимает кинолога на длинном канате. Когда она скрылась за кромкой обрыва, Ярцев стал походить на паука, карабкающегося по собственной нити.

– Она даже не обратила внимания на западные следы, – заметил Жаров.

– Что ж? Возможно, они не имеют отношения к убийству, – сказал Пилипенко. – Это могли быть случайные люди, которые увидели труп и удалились, не сочтя своим долгом позвонить в милицию.

Жаров пожал плечами. Было ясно, что следователь не очень-то верит этому предположению.

Друзья двинулись за кинологом, перебирая корни кустов. Примерно посередине склона, когда тропинка перешла в лестницу, они услышали громкий лай наверху. Жаров оглянулся и посмотрел вниз. Санитары уже разложили носилки и уложили на них труп. Окоченевшее тело с раскинутыми конечностями едва уместилось на брезенте.

– Что она нашла? – спросил Пилипенко, когда они преодолели обрыв.

– Камень, – коротко ответил Ярцев.

Ральфа сидела перед базальтовым валуном, прилежно сложив вместе передние лапы, неподвижная, словно памятник собаке. Все ее существо говорило: я нашла.

Пилипенко с удивлением посмотрел на Ярцева:

– И что? Дальше она не пойдет? Но это ж бессмыслица! Преступники не могли уехать отсюда на машине – слишком узкая тропа.

Он подошел к валуну, оглядел его, продолжая рассуждать:

– Ни на мотоцикле, ни даже на велосипеде – любая техника оставила бы здесь следы. Не улетели ж они отсюда?

– Обрати внимание на окурки, – сказал Жаров.

Пилипенко, поводя пальцами, сосчитал окурки, поднял один, осмотрел, затем положил его на то же самое место, верный своей привычке следователя.

– Можно было предположить, – продолжал Жаров, – что здесь жарились под солнышком и курили крепляк несколько здоровых парней – ведь женщины вряд ли будут курить «Ирбис». Но состояние окурков говорит о том, что человек или группа людей была здесь, по крайней мере, два раза.

Пилипенко сел на камень и посмотрел вниз.

– Пляж отсюда как на ладони. Причем, только пляж и ничего более. Все ясно: это – наблюдательный пункт, – сказал следователь.

– Значит, – подхватил Жаров, – девушка не в первый раз забрела на этот пляж и насильники несколько дней наблюдали за ней. Наверное, она была не одна, и они выжидали, когда ее спутник уйдет.

– Допустим, это были насильники, – сказал Пилипенко. – Только вот куда они делись? Почему собака не идет дальше?

– А она идет, – вдруг послышался голос Ярцева.

Пилипенко и Жаров обернулись. Ральфа теперь стояла на всех четырех, глядя вдоль тропы.

– Просто она учуяла эту стоянку, – пояснил Ярцев, – и ждала, пока вы осмотрите ее. А след – вот он: продолжается вверх.

Собака повела людей через можжевелевую рощу, полную густого смолистого запаха. След шел точно по тропе. Жаров с грустью подумал, что он доведет до стоянки перед Артеком и оборвется. Но Ральфа внезапно повернула направо, по едва заметному ответвлению тропы. Здесь этот знаменитый крымский аромат стал еще резче – казалось, в воздухе висят видимые пласты его живительного эфира. Жаров подумал: что это за мощный запах ведет Ральфу сквозь такой плотный фон?

Небольшая лестница поднялась на объездную грунтовую дорогу, затем начались виноградники, прилегающие к деревне Айкара. След вел именно в деревню, по узкому коридору, с обеих сторон обрамленному сеткой рабица, за которой, руку протяни, висели зреющие гроздья, также источая дурманивший дух муската и изабеллы, что не смутило собаку, ибо зов, ведущий ее, был намного сильнее.

Вот и деревня, она карабкалась по слону Медведя, разделенная подпорными стенками, лестницами, пока позволяла крутизна горы. Архитектурной доминантой, вроде собора или ратуши, было здание недавно выстроенного частного отеля – в три этажа, с красной крышей под черепицу, украшенной мансардами и башенками, во все глаза своих солнечных окон глядящее на скопище жалких деревенских халуп вокруг.

Ральфа облаяла калитку одной из халуп. Пилипенко повернул железную ручку – не заперто. Все вместе вошли во двор, окруженный множеством дверей клетушек, которые хозяйка халупы сдавала курортникам. Ральфа без колебаний выбрала одну из дверей, следователь распахнул ее.

Прямо за дверью была комнатка два на полтора, похожая на корабельную каюту. На одноместной железной кровати спал длинноволосый молодой человек. Серебристый кулон на его груди поймал луч солнца из маленького круглого окошка.

Собака вдруг жалобно закулила, вывернув свои карие глаза на людей. Жаров понял природу запаха, что привел ее сюда: в этой комнатке пахло самцом, его потом и секретией.

Под окошком стояла деревянная тумбочка больничного образца. На тумбочке лежала зажигалка, пачка дешевых сигарет, рядом – консервная банка-пепельница и маленькая, в форме чебурека, дамская сумочка.

* * *

– Где ты это взял? – спросил Пилипенко, растолкав молодого человека.

– Нашел, – сказал он, хлопая глазами со сна и поправляя свои волосы, которыми, видать, гордился. – Там, внизу, в лесочке таких вонючих деревьев.

– Так, – сказал Пилипенко. – Никогда больше не говори «нашел». Я-то добрый, а другие будут тебя бить.

С этими словами следователь ткнул юношу двумя пальцами в солнечное сплетение. Тот согнулся, сидя на своей солдатской кровати. Когда рыбы движения его крупного рта прекратились, Пилипенко спокойно спросил:

– Ну, и? Откуда у тебя эта сумочка?

Пока юноша корчился, он бегло поворошил пальцами внутри сумочки и лицо его стало еще более угрюмым.

– Я это... – начал юноша. – Внизу ее нашел, на пляже. Рядом со спящей девушкой. Честное слово!

– Спящей? – подал возмущенный голос Ярцев. – Это ты называешь спящей?

– погоди, – оборвал его Пилипенко движением ладони. – Итак, ты спустился на пляж через можжевельный лес. И что ты там увидел?

– Девушку. Она спала на одеяле.

– И рядом с ней лежала сумочка?

– Да.

– И ты ее взял – нашел?

– Да.

– Так вот. Это называется не нашел, а украл.

– И ты ему веришь? – не выдержал Жаров.

– Думаю, он этого все же не делал, – сказал следователь.

– Точно! – вскричал парень. – Я ничего этого не делал, клянусь!

Пилипенко и Жаров переглянулись.

– Что ты имеешь в виду, когда говоришь «этого»? – спросил следователь.

– Ну... Ничего я такого не делал. Взял сумочку и вернулся обратно. Пришел сюда. Потом пошел пить пиво.

– Первая цепочка следов с востока, – задумчиво проговорил Пилипенко. – Думаю, парень не виновен в убийстве.

– Почему ты так думаешь? – спросил Жаров.

– Интуиция, – сердито сказал Пилипенко: было ясно, что он видит нечто такое, чего не замечает Жаров.

* * *

Примчавшаяся по вызову следователя бригада затолкала испуганного молодого человека в машину. Жаров было поставил ногу на подножку «газели», думая, что и они тоже поедут в управление, устроившись на местах перед зарешеченной автокамерой, но Пилипенко взял его за локоть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.